

Агрессия - природа и воспитание

Рост насилия в современном обществе, постоянные сообщения прессы о массовых беспорядках в разных точках земного шара, многочисленные гражданские и межэтнические конфликты заставляют исследователей социального поведения человека снова и снова обсуждать природу агрессии [1].

В специальной литературе выделены три основные теории агрессии: 1) биологическая, или инстинктивная, согласно которой агрессивная энергия накапливается внутри человека; 2) фрустрационная, по которой агрессия - следствие расхождения между уровнем запросов и реальными личностными достижениями; 3) теория социального научения, сторонники которой полагают агрессивное поведение исключительно результатом научения.

Данные археологов, историков, культурных антропологов, этологов и психологов свидетельствуют о том, что агрессия сопровождала человека на всем протяжении его эволюции и продолжает присутствовать в современном мире. Таким образом, это вовсе не побочный продукт индустриальной культуры. Не только угрозы, но и летальная агрессия зарегистрированы в самых различных по социальной структуре, уровню экономического развития, географическому местоположению общества - у охотников-собирателей, в том числе эгалитарных (бушмены, хадза, австралийские аборигены), у земледельцев (янамами Венесуэлы, джебуси Новой Гвинеи) и скотоводов. История хранит многочисленные упоминания об актах жестокости и насилия в отношении побежденных противников. При взятии Трои просвещенные греки казнили всех мужчин старше 10 лет, а оставшиеся жители - женщины и дети — были проданы в рабство.

Идеи Ж.-Ж. Руссо о "добродушном дикаре" и об идеальном безагрессивном обществе оказали влияние на многих антропологов. Современный американский антрополог Э. Монтэгю приложил массу усилий, доказывая, что агрессивное поведение - продукт культуры [2]. Проведя исследования по антропологии детства у "мирных" народов (бушмены Кунг Ботсваны, эскимосы Аляски, семаи Малаккского полуострова, пигмеи мбути Заира, папуасы форы Новой Гвинеи), он попытался доказать, что в культурах, где агрессивное поведение детей не поощряется, оно отсутствует. Действительно, в процессе воспитания детей у этих народов стимулируются развитие дружелюбия, взаимопомощи, готовность к дележу, а любые конфликты между детьми старшие пытаются свести к шутке и игре. К сожалению, даже подобное воспитание не расценивается как важная поведенческая адаптация, направленная на ослабление межгрупповой агрессии. Соперничество из-за половых партнеров - реальный повод межгрупповых конфликтов. Данные антропологов свидетельствуют о том, что у австралийских аборигенов вооруженная борьба ведется преимущественно между соседними кланами одной и той же половины (имеющими одних и тех же потенциальных брачных партнеров) и гораздо реже между кланами разных половин [10]. Замечено, что межэтнические конфликты приобретают особенно жестокие формы там, где число браков между враждующими группами минимально (греки и турки-киприоты, армяне и азербайджанцы, арабы и евреи). Прослеживается также четкая связь между степенью родства и вероятностью практики летальной агрессии. Исландские саги XIII века, повествующие об истории викингов, сообщают о междоусобицах и кровной мести, длящихся десятилетиями. Однако, как было обнаружено английскими исследователями, викинги явно стремились избегать убийства близких родственников, а в конфликтах между близкими и дальними родственниками всегда принимали сторону близких [11]. Викинги были готовы идти на убийство родственника лишь в крайних случаях, когда ставки оказывались уж слишком высокими (например, наследование титула или поместья). Родственники жертвы также чаще были готовы мстить за близкого

родственника, нежели за дальнего (в последнем случае преимущественно удовлетворялись принятием денег "за кровь")

Ритуализация агрессии и структура социальных отношений

Степень ритуализации агрессии в большей мере связана с типом социальных отношений в пределах сообщества. Данные о поведении некоторых приматов (обыкновенные шимпанзе), хищников (львы, пятнистые гиены, волки), грызунов (крысы, мыши) говорят о том, что "запрет" на убийство представителей своего вида не всегда соблюдается и в животном мире [6]. У шимпанзе самцы предрасположены к тому, чтобы объединяться в группировки и совершать набеги на соседние территории, убивая соперников (самцов). Неверно было бы думать, что такая склонность к насилию - свойство мужской сущности. Ф. Штайнигер описывает случаи жестоких боев между серыми крысами, при этом убийцами могли быть как самцы, так и самки (именно самки часто применяли укус в шею, задевавший сонную артерию и приводивший к гибели жертвы) [5, с. 163]. Среди гиеновых собак и гиен (матрилинейные сообщества) убийцами в основном оказываются самки, а не самцы. Связь летальной агрессии с полом обнаруживает сильную зависимость от социологии вида. Можно усмотреть отчетливую корреляцию между типом сообщества (какой пол является доминантным, заинтересован ли данный пол в защите территории, прослеживается ли между особями этого пола склонность к объединению в коалиции) и возможностью уничтожения себе подобных. У человека и шимпанзе социальная система организована по патрилокаль-ному принципу с доминированием мужского пола над женским и именно самцы демонстрируют территориальное поведение и более высокий уровень агрессии. У пятнистых гиен сообщества матрилокальны и все указанные функции оказываются прерогативой самок. Модель формирования временных группировок-коалиций увязывается с определенными экологическими предпочтениями у этих видов - потребностью в высококачественной, но порой трудно находимой пище (зрелые фрукты и богатые жирами орехи, сочные корни и мясо). Источники питания, вызревающие в определенное время года и сконцентрированные на участках разного размера, с различной плотностью, также предрасполагают к жесткой межгрупповой конкуренции.

Группировки могут распадаться или укрупняться в зависимости от экологических условий (что позволяет с максимальной эффективностью использовать пищевые ресурсы), однако платой за такую свободу становится потенциальная опасность, что коалиции малого размера будут жертвой агрессии более крупного социального объединения. Именно численность является ведущим оружием в межгрупповой агрессии. Агрессоры во время нападений на членов другой группы ничем не рискуют, ибо подстерегают жертвы, когда те не способны оказать реального сопротивления. Ни один самец из коалиции нападавших шимпанзе сообщества Касакела в Гомбе не получил ранений, убивая самцов из сообщества Кагама, когда те оказывались в одиночку. Случаи рейдов, сопровождаемых убийством самцом из соседних сообществ, описаны приматологами в разных национальных парках Африки, что указывает на видоспецифичность такого поведения [12]. Львы, гиены и волки применяют ту же стратегию.

Итак, для большинства видов основное препятствие к убийству взрослых особей своего вида не высокая степень ритуализации агрессии, не врожденный запрет на убийство себе подобных (инфантицид, к примеру, - широко распространенная практика во всем животном мире), а реальная опасность быть убитым (или получить серьезные увечья) [13]. Соблюдение паритета, постоянный баланс власти (на индивидуальном и межгрупповом уровне) - такова основная адаптация, препятствующая распространению практики убийства себе подобных у животных (и, возможно, у человека). У человека способы поддержания такого баланса различны и во многом определяются культурой. Сам феномен, однако, универсален и в значительной мере определяется социально-экологическими факторами.

В эволюции социальных видов идет постоянный контроль за уровнем внутри-групповой агрессии. Конфликты не могут достигать такого размаха, когда под угрозой ставится сплоченность группы. По этой причине на протяжении всей эволюции человека вырабатываются механизмы, препятствующие внутригрупповым конфликтам. Сила и агрессивность в человеческом обществе сами по себе редко служат ведущим критерием социального статуса и престижа. Спонтанная агрессия по отношению к членам своей группы наказуема. Данные из жизни австралийских аборигенов свидетельствуют о том, что до контактов с европейцами мужчины, убившие нескольких человек (по личным или семейным мотивам), почти всегда и сами были убиты. В традиционных обществах месть в форме явной, физической (кровная месть) или опосредованной (вредоносная магия) агрессии выступает как функция внутригруппового контроля и поддержания порядка.

Механизмы восстановления социального равновесия в постконфликтных ситуациях

Социальное объединение, общение с членами своей группы играют в жизни приматов исключительную роль. Потребность в социальном общении в ряде случаев может быть выше, чем потребность в пище. Обезьяны, содержащиеся в изоляции, испытывают сильнейший стресс и часто погибают, хотя им обеспечивается должный уход, необходимое питание и просторное жилье.

Данные о высоком внутригрупповом уровне дружелюбности заставили приматологов внимательнее отнестись к связи агрессии с другими формами активности. В начале 80-х годов стало ясно, что дисперсия как следствие агрессии - это лишь одна из многих реакций бывших соперников. Такой тип поведения наблюдается преимущественно тогда, когда агрессивные взаимодействия происходят между членами разных сообществ, незнакомыми друг с другом, либо в тех случаях, когда действия агрессора направлены на вытеснение жертвы из одной с ним группы. В большинстве же случаев конфликты у приматов происходят между членами одного сообщества и заканчиваются примирением агрессора с жертвой. Примирение встречается тем чаще, чем выше когнитивные способности у данного вида.

Гипотеза восстановления социальных отношений, предложенная Ф. Ваалом и Э. Росмаленом, стала исходным пунктом развития нового направления этологических исследований, изучающего механизмы примирения у приматов, включая человека [14]. Согласно этой гипотезе, в группах у социальных видов бывшие соперники "заинтересованы" в скорейшем восстановлении нарушенных связей с товарищем по группе. Аффилиативное взаимодействие между бывшими участниками конфликта определяется как "примирение", если оно осуществляется в постконфликтный период раньше, чем сравнение с контролем. Агрессивные столкновения между отдельными членами группы оказывают отрицательное влияние на групповое единство в целом и затрагивают широкий круг заинтересованных лиц, прежде всего друзей и родственников конфликтующих. Постконфликтные взаимодействия включают также поддержку агрессора, защиту жертвы, просьбы о помощи со стороны жертвы, утешение жертвы, умиротворение агрессора, переадресованную агрессию жертвы, примирение конфликтующих, опосредованное активными действиями особи-посредника (шимпанзе и бонобо).

К настоящему времени примирение изучено у значительного числа таксонов приматов (около 20 видов) - от полуобезьян (лемуры) до высших человекообразных обезьян (гориллы, бонобо, шимпанзе), равно как и в пределах одного таксона - у представителей родов *Раріо* или *Масаса* (горизонтальные сопоставления) [15-18]. Благодаря стандартизации метода исследования примирения, стало возможным сопоставление этого явления по данным наблюдений разных авторов (что часто составляет существенную проблему при сравнительно-этологических обобщениях). Как правило, примирение регистрируется в интервале одна-две минуты после окончания агрессивных действий [19, 20]. Животные, ведущие групповой образ жизни, испытывают существенный дискомфорт от нарушения социальных связей и

повышения социальной напряженности. Поэтому вполне естественно звучит вторая гипотеза, рассматривающая примирение как *способ снятия стресса* [21].

Мотивации к примирению связаны с рядом параметров: типом социальной организации у данного вида, качеством исходных отношений между участниками конфликта. Последний фактор лежит в основе гипотезы *качества социальных взаимоотношений* между партнерами как важного показателя для понимания феномена примирения после агрессии [22]. Еще одна гипотеза для объяснения феномена мирных постконфликтных контактов между бывшими оппонентами была недавно предложена Д. Силк: эти действия имеют единственной целью *снизить неопределенность ситуации и сигнализировать об окончании агрессивных действий* [22, 23]. Первые мирные постконфликтные контакты, по ее мнению, не имеют никаких долгосрочных целей. Возможно. Однако с эволюционной точки зрения значимым оказывается именно то, что постконфликтные церемонии важны для снятия социальной напряженности в отношениях между недавними соперниками, равно как и то, что группы, в которых практиковались данные стратегии, оказывались в более выгодном положении, быстрее восстанавливали социальное равновесие и могли успешнее конкурировать с соседями.

Можно сделать несколько выводов о механизмах устранения социальной напряженности после внутригрупповых агрессивных столкновений: 1) чем сложнее социальная организация и чем она гибче, тем более развиты и более разнообразны механизмы примирения; 2) с повышением уровня филогенетического развития прослеживается возникновение специальных паттернов поведения, используемых преимущественно в контексте примирения. Для бурых макаков, например, это фиксирование двумя руками крупы партнера и взаимные обнимания, для шимпанзе - поцелуи, для бонобо - элементы сексуального поведения [24, 25]. Замечено, что уровень примирения намного выше у видов с эгалитарным стилем доминирования. Вероятность инициативы со стороны агрессора или жертвы также во многом зависит от стиля доминирования, принятого в группах данного вида [26]. В сообществах с гибким эгалитарным стилем доминирования (там, где подчиненные чувствуют себя более свободно, а доминанты существенным образом заинтересованы в присутствии подчиненных), примирение чаще происходит по инициативе подчиненных (бурые и тонкинские макаки, макаки магот). В условиях жестких деспотических структур (японские, яванские макаки, резусы) примирение происходит в основном по инициативе агрессора. Выявленные различия объясняются не более низкой мотивацией к примирению у жертв в группах с деспотическим стилем доминирования по сравнению с эгалитарными видами, а, скорее, страхом жертвы, ее боязнью первой приблизиться к агрессивному доминанту.

Гипотеза качества социальных отношений предполагает различную вероятность примирения между разными возрастными и половыми классами животных из-за разной степени заинтересованности в социальных связях друг с другом. Чем теснее социальные связи между особями, тем выше вероятность примирения между ними. И действительно, у видов с патрилинейными отношениями (шимпанзе) [14] примирение более выражено между самцами, у матрилинейных видов - между самками [27], а у гаремных видов - между самцом и самками его гарема (гориллы, павианы гамадрилы) или самцами - членами одного клана (павианы гамадрилы) [16, 17].

Уровень примирения по инициативе агрессора в условиях общего сходства стиля доминирования может повышаться с повышением уровня развития когнитивных способностей и быть связан с "осознанием" важности дружественных связей с другими, в том числе и более низкоранговыми, членами группы. По всей видимости, не случаен тот факт, что у шимпанзе (и особенно у бонобо) процент примирений со стороны агрессора намного выше, нежели у бурых или тонкинских макаков [18]. У человека (в частности, у детей младшего школьного возраста) процент примирений по инициативе агрессора еще выше [28]. Очевидно, можно говорить о повышенном уровне психологического дискомфорта, испытываемом агрессорами в группах человекообразных обезьян. В человеческих коллективах такой дискомфорт описывается в формализованном понятии "чувства вины".

Как уровень агрессивности варьирует в зависимости от условий воспитания, так и уровень примирения является величиной изменчивой. В экспериментах Ф. Ваала и Д. Йоганович несколько подростков макаков резусов содержались в группе подростков бурых макаков, в результате они переняли у последних более высокий уровень примирения, и эта характеристика сохранилась в их поведении даже когда подростки резусы были перемещены к животным своего вида [29]. Показательно, что путем воспитания был изменен именно *уровень* примирения, элементы же, используемые в этих целях, остались неизменными, видоспецифичными.

Любой агрессивный конфликт оказывает отрицательное воздействие на стабильность всей группы в целом, поскольку в него (прямо или опосредованно) вовлекаются другие особи - родственники, друзья, репродуктивные партнеры, вышестоящие по рангу животные. Не удивительно, что наряду с эволюцией примирения происходила эволюция и других типов постконфликтных взаимодействий - контакты участников конфликта с третьими особями, третьих особей друг с другом. Исходя из представлений об отборе адаптивно выгодных стратегий, можно ожидать, что в конфликт будут вмешиваться чаще всего животные с максимально близким генотипом (ближайшие родственники), особи, чей репродуктивный успех связан со здоровьем и благополучием одной из конфликтующих сторон (репродуктивные партнеры), или животные, заинтересованные в поддержании общегрупповой стабильности (лидеры группы). В зависимости от типа социальной структуры вида доля участия каждой из указанных категорий животных может быть предсказуема. В соответствии с этими ожиданиями в сообществах с развитой системой матрилинейных связей участники конфликта ищут поддержки, защиты и утешения у ближайших родственников (преимущественно самок), в сообществах с односамцовыми гаремными единицами (павианы гамадрилы, гориллы) жалобы самок и подростков и призывы к поддержке адресуются прежде всего к самцу данного гарема [17]. Соответственно у матрилинейных видов, как правило, в конфликт вмешиваются самки - родственницы жертвы, у гаремных - самцы-лидеры. Они утешают и успокаивают ее, а также демонстрируют умиротворяющее поведение в направлении агрессора. В сообществах павианов, макаков и чаще у шимпанзе описаны также случаи переадресованного примирения, когда агрессор искал аффилиативных контактов с родственниками жертвы.

Третья особь может выступать и в роли *посредника* примирения. Такое поведение описано у человекообразных обезьян. В ряде случаев, когда конфликт происходит между животными, находящимися в натянутых отношениях и соперничающих за место в социальной иерархии, примирение осложняется "нежеланием каждого из партнеров первым идти на уступки" (в случае с человеком речь может идти о нежелании ронять себя в глазах соперника, подрывать авторитет). Примеры такого рода описаны в колонии шимпанзе зоопарка г. Арнем в Голландии [24]. Два самца-соперника никак не могли сами примириться и демонстрировали признаки явного беспокойства по этому поводу. Тогда старая самка подошла к одному из них, стала его чистить, затем взяла за руку и подвела к бывшему сопернику, подставившись тому под чистку. Некоторое время самцы старательно груминговали самку, после чего самка покинула их, а они незаметно перешли к обыскиванию друг друга. Описанные действия, несомненно, требуют высокого уровня развития когнитивных способностей, элементарных представлений о причинных связях и долговременной памяти.

У приматов феномен примирения работает только в отношении членов своей собственной группы, т.е. особей, хорошо друг с другом знакомых и поддерживающих тесные социальные связи. В направлении чужаков эти законы не соблюдаются.

Данные о моделях примирения в человеческих сообществах указывают на возможную эволюционную преемственность этого феномена и общее сходство его основополагающих механизмов с высшими обезьянами. Налицо дальнейшее развитие и усовершенствование моделей примирения, отчетливое дифференцирование этого процесса на отдельные фазы. В первую очередь речь идет о выработке культурных механизмов, сигнализирующих о намерении конфликтующих прекратить агрессию. По мнению некоторых исследователей,

феномен примирения у обезьян гомологичен именно этому поведению [23]. Особая культура примирения возникает в пределах детской субкультуры и передается в процессе общения от старших детей к младшим. Эта культура объединяет переходные элементы от мира животных к миру взрослых людей.

По данным А. Лунардени (личное сообщение), феномен примирения достоверно прослеживается уже у детей двухлетнего возраста, что дает некоторые основания говорить о врожденной предрасположенности к примирению у человека. Эта тенденция получает существенное подкрепление и значительное культурное развитие в процессе социализации. Анализ постконфликтного поведения у детей 6-7-летнего возраста выявил у них те же этологические основы примирения, что и у обезьян: 1) примирение происходит в одинаковом интервале (1-2 мин. после агрессии); 2) в примирении участвуют ближайшие друзья (родственники) агрессора и жертвы [30]. В группах детей наблюдается более четкое развитие тенденций, наметившихся в эволюции приматов: 1) повышается уровень примирения по инициативе агрессора (дети говорили нам о чувстве вины, испытываемом виновником ссоры); 2) важную роль в урегулировании конфликта начинают играть посредники-индивиды; не принимавшие непосредственного участия в конфликте, но заинтересованные в его прекращении; чаще всего это лидеры группы, но могут встречаться и дети, специализирующиеся на роли мирителя; 3) процесс примирения четко дифференцирован на две стадии: первая - обозначение конца агрессии ("прости меня, я больше не буду"), вторая - собственно примирение (мирилки, подарки, объятия, поцелуи).

Посредниками могут выступать как мальчики, так и девочки по отношению к детям своего пола. По нашим данным, в группах у русских и калмыцких городских школьников примирителями в конфликтах между мальчиками выступали в основном мальчики, а в группе калмыцких сельских школьников — "высокоранговая" девочка. В условиях традиционной детской субкультуры навыки урегулирования социальных конфликтов передаются от старших детей к младшим. И. Эйбль-Эйбесфельд отмечает, что у бушменов Калахари агрессию контролируют старшие дети, они наказывают виновника и утешают пострадавшего [31]. Роль мирителя многими детьми рассматривается как престижная. Это особенно заметно в исследованных нами группах калмыцких школьников: они гордились тем, что мирят других и прекращают конфликт. В детских коллективах роль мирителя может быть и опасной. Не раз за время наших наблюдений агрессор (или оба участника конфликта) переключали свой гнев на него. Роль мирителя требует также смелости и умения постоять за себя.

Важным элементом детской культуры в современном индустриальном обществе являются стицки-мирилки, стандартные формулы и ритуализованные движения, направленные на восстановление социальных связей. Например, для младших школьников московской школы примирение происходит приблизительно так: виноватый сам (или под давлением посредника) подходит к обиженному, демонстрируя свое раскаяние и говоря: "Прости меня, я не хотел, я больше не буду". После этого начинается церемония примирения. Держась за мизинцы, дети произносят: "Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, то я буду кусаться, а кусаться нам нельзя, потому что мы друзья" (или, по другой версии: "...а кусаться ни при чем, буду драться кирпичом, кирпич разбивается, дружба начинается").

Легко увидеть, что между культурой мирилок и танцевально-песенными обрядами формального замирения у охотников-собирателей или ранних земледельцев много общего. Возможно, в условиях детской индустриальной культуры сохраняются многие фундаментальные черты социального поведения, свойственные человеку на большинстве этапов его социокультурной эволюции. Правда, у взрослых эти модели чаще применяются при улаживании конфликтов на межгрупповом уровне. К примеру, яломе (одно из племен Западного Ириана) оповещает врагов о намерении прекратить конфликт следующей песней: "Борьба и война - это плохие вещи, будем вместе, как стоят деревья, как деревья в Фунгфунг и деревья в Йелен"[32]. Одновременно с этим предпринимается попытка переложить

ответственность за случившееся на конкретного "козла отпущения" (в данном случае на человека по имени Вели): "Вели, это твоя вина! Вели, это твой позор! Из-за тебя огонь пожрал воды Реки". Другое племя (папуасы кивай) оповещают врага о желании заключить мир, кладя ветку через дорогу, ведущую к его деревне. Если вторая сторона согласна, то также кладет ветку поперек дороги. После этого начинается собственно примирение.

Типичными атрибутами примирения выступают обмен подарками, совместные трапезы, обмен женщинами. Племена горы Хаген (Новая Гвинея), состоящие друг с другом в тесном классификационном родстве, в конфликтных ситуациях немедленно отсылают к враждующим группам посредников и пытаются убедить стороны помириться. Противоположные стороны стоят друг перед другом со скрещенными стрелами, посредники-замирители - между ними тоже со скрещенными стрелами. Одна сторона начинает стихотворение, вторая повторяет за ней каждую строчку: "Птицы Това и Копетла опять оставят свои следы позади нас. Женщины и свиньи вновь будут ходить туда и обратно между нами. Все порастет травой. И мы снова будем в дружеских отношениях друг с другом, будем жить в мире и преумножаться. Мы не будем больше ходить войной друг на друга" [33, р. 214]. Во время праздников примирения происходит ритуальный обмен подарками (мока) - перламутровыми раковинами и свиньями. Стороны дают клятву соблюдать мир [34]. Хотя церемонии мока содержат элемент соревновательное™, группы, получившие подарки, должны через какое-то время устроить такой же праздник и отдарить хозяев (при этом они стараются приготовить более дорогие и престижные подарки), их основная функция - социальная интеграция и нейтрализация агрессивности. Аналогичные церемонии описаны и в других частях света. Например, у яномами такую роль выполняет праздник плодов шльмы [33].

Примирение с помощью совместных трапез, подарков и синхронных коллективных действий базируется на глубинных этологических механизмах социальной интеграции (дележ пищи между родителями и детьми или репродуктивными партнерами типичен для ряда видов обезьян и описан у других животных). Предложение женщин в жены бывшим врагам - культурная традиция, однако и она в основе своей базируется на глубинных биологических механизмах адаптации. В самом деле, чем больше кровных родственников и, следовательно, реальных социальных контактов будет между группами, тем ниже вероятность новых столкновений и тем легче будет уладить конфликты, если они все же возникнут.

В церемониях примирения может содержаться элемент ритуализованной агрессии, которую прощающая сторона адресует виновным, при этом последние должны безропотно сносить "унижения" и не отвечать. На Андаманских островах мужчины танцуют в деревне бывшего врага-обидчика, делая угрожающие движения в сторону местных жителей. Вначале главарь, а потом и все остальные, включая женщин, поочередно встряхивают всех мужчин вражеской группы по два раза - спереди и сзади [35]. Затем все участники церемонии вместе плачут, охотятся и танцуют несколько дней подряд; завершается праздник обменом подарками. У вейнахских народов Северного Кавказа даже в случае непреднамеренного убийства виновный и его родственники в черном приходят к краю деревни, где жил пострадавший, и стоят, вымаливая прощения у родственников, до тех пор, пока те не обратят на них внимания и не начнут переговоров о возмещении ущерба в виде денег, скота или других материальных ценностей.

В традиционных обществах роль мирителя-посредника закреплена преимущественно за мужчинами (лидерами, старейшинами), облеченными статусом и уважением [10, 36]. В ряде случаев посредником могут выступать женщины. Например, Э. Хау-итт описывает, как у австралийских аборигенов района реки Тамбо женщины прекратили конфликт между двумя враждующими группами, бросившись между ними [37]. У народов Кавказа описан обычай замирения, по которому конфликты между двумя мужскими группировками прекращаются, если женщина бросает между ними платок.

В процессе социокультурной эволюции происходила, по всей видимости, выработка и правил, препятствующих разрастанию конфликта в сообществе, и

механизмов восстановления нарушенных социальных отношений. Одной из церемоний такого рода можно считать *магарада* (*makarata*) [10, p. 174]. Магарада распространена среди племен северо-восточной и западной частей Арнемленда как церемония замирения, в процессе которой агрессор искупает свою вину перед жертвой (или родственниками убитой жертвы). Ее главная цель, по всей видимости, не месть, а восстановление общественного порядка, ибо магараду проводят через некоторое время после реального события, когда гнев и раздражение обиженных несколько утихают. В процессе церемонии пострадавшая сторона мечет в группу родственников агрессора копьё (с которых предварительно снимаются наконечники), что позволяет разрядить гнев. Затем через площадку перед группой родственников жертвы бежит сам обвиняемый. В него пускают копьё уже с наконечниками. Ранения в бедро бывает достаточно для искупления вины. Старшие мужчины обеих групп выступают в роли посредников, призывая стороны прекратить поединок и успокоиться. Аналогичные обряды описаны у племен *мариборо*, *бунтамурра* и *кайабара* в *Квинсленде* [37]. В племени *вотьюбалук* конфликты разрешаются немедленно. Обидчики снабжаются щитами, пострадавшие - копьями. Поединок длится до первой крови. Главарь группы обидчика выступает в качестве медиатора, призывая вести честный поединок. Когда кого-нибудь ранят, он подбрасывает вверх кусок зажженной коры, что сигнализирует об окончании поединка.

Эволюционный подход к проблеме агрессии и примирения позволяет выявить сходство и различие механизмов поведения у приматов и человека. Агрессивное поведение человека и приматов ритуализовано. Агрессивное поведение и механизмы контроля агрессии тесно связаны с особенностями социозологии вида и с типом хозяйства. Связь более высокого уровня агрессивности с мужским полом у человека может быть следствием его патрилинейности. Социализация, несомненно, играет важную роль в освоении конкретных моделей агрессивного поведения. Летальная агрессия описана не только у человека, но и у животных (приматов, хищников, грызунов) и может быть связана с территориальностью и конкуренцией за высококачественные ресурсы, вызревающие сезонно и распределенные неравномерно (фруктовые деревья, сочные корни) или меняющие локализацию в пределах одной территории (животные ресурсы).

В репертуаре человека имеются глубинные этологические механизмы контроля агрессии и восстановления дружественных связей. Эти механизмы действуют по тем же законам, что и у приматов. У человека наблюдается четкая дифференциация постконфликтных стратегий на две фазы: сигнала о намерении прекратить агрессивные действия и сигнала собственно примирения (стандартизированные стихи, песни, танцы или просто движения). Для человека типичны повышение заинтересованности агрессора в восстановлении социальных контактов, разделение ответственности за содеянное родственниками агрессора и усиление роли посредников в урегулировании конфликта. Качественно новый для человеческого общества феномен - распространение действия механизмов примирения на межгрупповые отношения. Культурные обряды замирения играют роль важнейших поведенческих адаптаций, способствующих выживанию человека как вида. Культура придает ритуалам агрессии и примирения фундаментально новые свойства, делая их глубоко символическими и осмысленными.